

А. И. Филлюшкин (Воронеж)

ЭКЗЕГЕТИКА ДРЕВНЕРУССКИХ НАРРАТИВНЫХ ПАМЯТНИКОВ И ПРОБЛЕМА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ

(на примере Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному)¹

В современной медиевистической русистике одной из наиболее актуальных является проблема поиска методологии интерпретации текстов. Это обусловлено как общей для гуманитарных наук сменой методологических парадигм (ниже мы будем говорить о ней в целом, не заостряя внимания читателя на анализе нюансов развития отдельных школ и направлений), так и историографической ситуацией в России.

«Постмодернистский вызов» постепенно утратил свою актуальность². Разоблачения Хейдена Уайта и его последователей уже можно считать скорее фактом историографии³. Однако он сыграл свою важную роль: во многом под его влиянием в нарративистике начался перенос акцентов с текста как объекта исследования на механизмы текстопостроения и рецепции памятников и в конечном счете, по выражению В. А. Миловидова, «на само производящее (и потребляющее) текст лицо, на “человека говорящего” и “пишущего” и, добавим мы, “человека читающего”»⁴.

¹ Работа выполнена по гранту Министерства образования РФ Г00-1.2-86.

² Суть постмодернистского вызова в следующем. Объектом его атаки стали принципы получения информации об исторической реальности. Постмодернисты утверждали, что между свершившимся событием и рассказом историка об этом событии стоит огромная дистанция, в ходе преодоления которой происходит такое искажение прошлого, что об его адекватной реконструкции вообще нельзя говорить.

Исторический факт откладывается в письменном источнике — нарративе, где он уже искажен из-за разной степени осведомленности автора текста, его субъективности и тенденциозности, наконец, из-за его преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Чем дальше отстоит само событие от его отражения в нарративе (например, в средневековье большинство хроник отделено от описываемых в них событий на несколько десятков, а то и сотен лет), тем выше его степень погрешности данного отражения. Однако искажения нарастают, когда к использованию нарратива приступает историк-интерпретатор. Во-первых, он выступает как бы соавтором текста, поскольку прочитывает его, исходя из своей профессиональной подготовки, мировоззрения, исследовательских задач. И смысл, который он извлекает из памятника, может в значительной мере не совпадать с тем, который в него вкладывал создатель. Во-вторых, в принципе нет уверенности в возможности адекватного истолкования современным историком произведения, написанного много столетий назад. В-третьих, даже если ученый сможет достигнуть максимального понимания текста, все равно последний будет стоять неодолимой преградой между историком и событием, которое он изучает.

Поэтому постмодернисты утверждают, что прошлого как бы не существует, а есть представленное в дискурсе информационное поле, которое, собственно, и есть история. По выражению Хейдена Уайта, одного из главнейших теоретиков данного течения, история есть всего лишь «операция создания вербального вымысла». Подобные построения вызвали историографический шок. Лучше всего о разрушающем влиянии постмодернизма сказала Габриэль Спигель: он сокрушил связь между вербальным и материальным, языком и внелингвистической реальностью, что означает уничтожение материальной подосновы словесных знаков: «Весь мир предстает как мир “смешанных браков” между словами и вещами, властью и воображением, материальной реальностью и лингвистическими конструктами».

³ Подробнее см.: White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. London, Baltimore, 1973; Он же. *Tropics of discourse: Essays in Cultural Criticism*. London, Baltimore, 1978; Он же *The Historical Text as Literary Artefact / / The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. Madison; London, 1982; Он же. *The Content of Form: Narrative Discourse and Historical Imagination*. London, Baltimore, 1987; Frankel Ch. *Explanation and Interpretation in History // Theories of History*. London, 1959. P. 408–427; Scholes R., Kellogg R. *The Nature of Narrative*. N.Y., 1966; Louch A. *History as Narrative // History and Theory*. 1969. Vol. 8; Braudy L. *Narrative Form in History and Fiction*. Princeton, 1970; *Metahistory: Six Critiques // History and Theory*. 1980. Vol. 19; Buthrof H. *The Readers Construction of Narrative*. London, 1981; Ankersmit F. *Narrative Logic: A semantic analysis of the Historian Language*. Nijhoff, 1983; La Capra D. *History and Criticism*. Ithaca, N.Y., 1985; Wallace M. *Recent Theories of Narrative*. Ithaca, 1986; Zagorin Cf. *Historiography and Postmodernism: Reconstructions // History and Theory*. 1989. Vol. 28; Ankersmit F. *The Reality Effect in the Writing of History: the Dynamics of Historiographical topology*. Amsterdam, N.Y., 1989.

⁴ Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь, 2000. С. 6.

В гуманитарном знании изучение семиотики текста все более подчиняется более масштабной задаче — исследованию семиотики дискурса. Суть этого изменения — в переходе научных приоритетов от лингвистических механизмов функционирования текста и семантической наполненности памятников к изучению смысловых предпосылок создания произведений, их прочтения и истолкования. Иными словами, на первый план выдвигается выявление скрытого смысла сочинения, реконструкция его семиотического кода.

Сама по себе такая задача не нова, но в традиционной текстологии текст зачастую рассматривается как некое статичное образование, из которого в произвольном порядке можно выдергивать куски для интерпретации. Сущность семиотики дискурса в том, что поле исследования становится шире собственно текста. При этом под дискурсом понимается устойчивый комплекс представлений, формирующий оценки и мотивации поступков человека, определяющий его отношение к действительности и характер поведения. Немного перефразируя известное высказывание Ролана Барта, это «то, что говорят», и «то, что слышат» собеседники.

Дискурс отражается в нарративе: летописях, хрониках, литературных произведениях, анекдотах, допросных речах, законодательных документах. Кроме того, для его формирования и функционирования важны так называемые внетекстовые структуры, по определению В. А. Миловидова, «осмысленная и переживаемая участником дискурса динамическая модель мира и культуры, система смыслов и метасмыслов, структурируемая на основе определенного миропонимания, которая может быть реализована в языке (а также в различных невербальных языках: музыке, пластике, рисунке и т. д.) и включает в себя философско-научные, этические, нравственно-эмоциональные, эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции»⁵. С дискурсом тесно связано понятие фрейма — ментальной матрицы, которая существует в сознании человека. Она основана на вероятностном знании о типических ситуациях, стереотипных представлениях, ожиданиях от той или иной исторической ситуации определенного сценария, в соответствии с которым люди действуют и дают оценки своим поступкам.

Таким образом, актуальным для современного изучения древнерусских текстов (в данном случае неважно, занимается им нарратология, источниковедение или литературоведение) является уточнение объекта исследования. Для чего мы обращаемся к источнику: чтобы установить на его основе некоторые факты? Или чтобы попытаться понять, почему автор изобразил события именно таким образом, какими дискурсивными и фреймовскими установками он руководствовался, отбирая материал для своего повествования? И только после того как мы поймем смысл авторских интенций и интерпретаций, можно оценивать степень рефлексии в памятнике реального прошлого?

Однако здесь нас подстерегают несколько серьезных опасностей. Во-первых, это угроза слишком увлечься выявлением мысленных конструктов и, как отметил А. В. Каравашкин, подменить авторскую идеологию текста его «безличной» природой, понятой как архетип коллективного бессознательного⁶. То есть видеть в источнике лишь некую ментальную рефлексию, выражение тех или иных стереотипных представлений, слабо связанных с исторической реальностью. С другой стороны, не совсем ясно, как именно подобрать ключ к семиотике средневекового дискурса. Ведь чтобы определить направление, природу и степень искажения интерпретации события в тексте при его рефлексии надо сравнить изображение с реальностью. А откуда взять реальность? Из того же источника?

В настоящий момент решить этот вопрос не представляется возможным. Однако перспективным является поиск своеобразного семиотического зеркала, в которое «гляделись» средневековые авторы, откуда черпали свои смыслы и образы. Если нам удастся раскодировать

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Каравашкин А. В. Единственная реальность. О методологических спорах нашего времени // Россия XXI. 2000. № 6. С. 131.

картины, видимые в зеркале, то в дальнейшем мы сможем и взглянуть на тексты глазами их составителей.

В работах последних лет исследователи, на наш взгляд, сумели нащупать по крайней мере, направление поиска данного семиотического зеркала. Здесь стоит прежде всего обратить внимание на труды И. Н. Данилевского и А. Л. Юрганова. Первый констатирует, что факты истории средневековой Руси в основном изучены, но к раскрытию смысла событий мы при этом не приблизились. Главная проблема — «понимаем ли мы автора древнерусского источника»? По мнению исследователя, «летописец, беседующий с нами, оказывается в положении миссионера, попавшего в страну неверных». Он и его читатели вкладывают в одни и те же слова разное значение, при этом «почти невозможно установить, насколько далеки или близки транслируемый образ и воспринимаемый фантом: для этого в подавляющем большинстве случаев отсутствуют объективные критерии сравнения». В результате, как утверждает ученый, «в большинстве случаев мы не понимаем даже того, что берем из летописного текста»⁷.

Как же, по Данилевскому, следует «правильно» читать летопись? Ученый связывает творчество летописца с этапами развития мышления и языка. Сперва слова предельно конкретны, употребляются преимущественно в качестве имен собственных. На втором этапе происходит переход к обозначению словами целых классов явлений, на третьем имеет место терминологизация представлений; слово превращается в орудие или средство выражения понятий. По Данилевскому, летопись соответствует второй стадии — она еще нетерминологична, но уже позволяет типологизировать происходящее. Летописец классифицирует события по аналогии — исторической или цитируя тексты Святого Писания⁸.

С этой идеей хорошо согласуются наблюдения А. Л. Юрганова, отметившего, что «событие существенно для летописца постольку, поскольку оно являлось Со-Бытием. А потому — прямое и опосредованное цитирование Библии — нормальный и единственно приемлемый путь описания происходящего. Летописец обращался к библейской вечности, чтобы в событиях Священного Писания найти что-то, что объяснило бы происходящее настоящее. Священное Писание — вечный семантический фонд, в котором можно найти готовые образы для осмысления своего собственного жизненного опыта. При помощи этого опыта заново переживалась библейская история и ее события, которые считались подлинной реальностью...»⁹

Таким образом, необходимо обращение к экзегетике древнерусских текстов и методикам ее исследования, главной из которых традиционно является герменевтика, по определению Поля Рикера, «теория операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово “герменевтика” означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретаций»¹⁰. При этом «под пониманием мы будем иметь в виду искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение» (жесты, позы, речь и т. д.). Поскольку знаки имеют материальную основу, моделью которой является письменность, то их можно интерпретировать. Таким образом, *понимание* — это проникновение в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а *интерпретация* — понимание, направленное на зафиксированные в письменной форме знаки¹¹.

При этом, по Рикеру, *символом* называется всякая структура значения, где один, первичный, буквальный смысл означает одновременно и другой, вторичный, косвенный смысл, который может быть понят лишь через первый. Тогда *интерпретация* оказывается расшифровкой смысла,

⁷ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Москва, 1998. С. 5, 7, 11, 13.

⁸ Там же. С. 9–10.

⁹ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 316.

¹⁰ Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 3.

¹¹ Там же. С. 3–4.

стоящего за очевидным, напрашивающимся значением, в раскрытии уровней значения, выявлении скрытых смыслов. То есть интерпретация применяется там, где есть многосложный смысл¹².

Как известно, герменевтика возникла и развилась как искусство истолкования текстов Святого Писания (Hermeuticа Sacra). По определению Г. Шпета, первоначально в ней существовало два течения: аналогисты (центр в Александрии, виднейший представитель — Аристарх), считавшие возможным при переводе Библии толковать ее аллегорически, и аномалисты (центр в Пергаме, крупнейший сторонник — Кратет), настаивавшие на «дословном толковании» священного текста¹³. Одним из первых классических герменевтических трудов считается «De rīncipiis» («О началах») Оригена (185–254), где обосновываются правила чтения и трактовки теологических произведений. Большой вклад в разработку церковной экзегетики внес также Августин Блаженный (354–430), определивший герменевтику как методику нахождения **подлинного смысла** Святого Писания и сформулировавший ряд ее методологических принципов¹⁴.

Вплоть до нового времени герменевтика развивалась в ключе экзегетического толкования Библии (стоит здесь упомянуть трактат М. Флавиуса Иллирийского «Clavis scripturae sacrae» внесший ряд новых теоретических положений в данную методологию¹⁵). Как отмечено П. Рикером, развитие герменевтики из экзегетики было обусловлено тем, что последняя включала в себя теорию знака и значения и основывалась на положении, что если текст имеет несколько смыслов, то надо обращаться к более сложным и глубоким, отделяя от них так называемые *одиозные знаки*, требующие логического доказательства¹⁶.

При обращении к герменевтическому истолкованию древнерусского источника на основе анализа содержащихся в них экзегетических образов, реминисценций и аллюзий одним из главных является вопрос: а какие церковно-религиозные тексты привлекать в качестве материала для сравнения? Ведь вплоть до 1499 г. мы не имеем даже полного древнерусского перевода Библии, а огромный массив скриптурной и литургической книжности до сих пор не систематизирован и описан далеко не полностью. Исследователи часто делают свой выбор текстовой основы для семиотического зеркала абсолютно произвольно.

Например, в целом удачных книгах И. Н. Данилевского приводится несколько странное цитирование Святого Писания. Для выявления текстологических параллелей между древнерусскими литературными памятниками и Библией летописи и повести даются без перевода, а фрагменты Ветхого и Нового Завета приводятся в современном синодальном переводе, а не на церковнославянском. Чем руководствовался ученый, избирая такой метод цитирования и сопоставления, неясно.

Еще чаще ученые просто находят в источнике экзегетический фрагмент и дают ему собственную вольную трактовку, без учета его происхождения, контекста первоисточника и т. д. Как пример подобных построений можно привести последнюю монографию С. Богатырева, посвященную изучению топоса «государь» — «советники» в русских средневековых памятниках. Ученый практически совсем не касается текстов Святого Писания и древнерусских рукописей, а берет только опубликованные памятники литературы XIII–XVI в., извлекает из них искомый топос и считает, что этого вполне достаточно для его интертации¹⁷.

¹² Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 18.

¹³ Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1990. М., 1990. С. 241–265; см. также: Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 14.

¹⁴ Подробнее см.: Августин Блаженный. Христианская наука, или основания Св. герменевтики и церковного красноречия. Киев, 1835.

¹⁵ Подробнее см.: Савваитов П. Библейская герменевтика. СПб., 1859. С. 8–16 и след.

¹⁶ Рикер П. Конфликт интерпретаций. С. 4.

¹⁷ Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s – 1570s. Helsinki, 2000. (Suomalaisen Tiedekatemia Toimituksia. Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Sarja-ser. Humaniora nide-tom. 307). P. 81 и след.

Но насколько адекватной будет такая интерпретация, если автор не выяснил происхождения топоса, его семантических первоистоков? И на основе чего будет читаться его содержание, если не проделан предварительный этап его семантической реконструкции? Исходя из современного, авторского видения? Но будут ли здесь уловлены все оттенки смысла, не велика ли опасность навязывания изучаемому дискурсу собственных схем, «вчитывания» своего понимания в тексты памятников, если анализ начинается «с конца»? Ответов на эти вопросы в монографии Богатырева нет.

Мы хотели бы предложить следующий алгоритм исследований по герменевтическому истолкованию экзегетических элементов средневековых литературных и исторических нарративных памятников для реконструкции семиотики дискурса. Каждая библейская цитата является выражением определенного топоса. Вначале необходимо определить его происхождение, найти соответствующее место в Святом Писании и всесторонне его проанализировать. Но на этом работа не может быть закончена: ведь путь данного фрагмента к сознанию древнерусского автора далеко не всегда был прямым.

Нам представляется, что как раз влияние первоисточника — самих Библейских книг — на сознание русского средневекового человека было куда меньшим, чем воздействие их интерпретаций. Речь идет о переложениях и пересказах экзегетических текстов в Палеях, многочисленных толкованиях, литургических памятниках. Культура древнерусского общества формировалась преимущественно под влиянием вербального фактора — церковные службы слушал каждый, тексты Святого Писания если не читало, то слушало на тех же службах большинство. Именно таким образом через литургику и бытовавшие на Руси скриптурные тексты и складывались семантические первоосновы самосознания общества и семиотические коды, из которых возникали интересующие нас дискурсы и фреймы.

Иными словами, работа, необходимая для реконструкции смысловой наполненности топоса, представляется следующим образом. Сперва производится поиск его семантических истоков по Библейским книгам.

Затем происходит сравнение выявленных элементов модели содержания будущего топоса с древнерусскими литургическими и скриптурными памятниками — что из классического экзегетического текста было в них отражено буквально и нет ли специфических толкований и искажений. Характер этих изменений, если они есть, и позволит понять корреляцию смыслов данного топоса, выявить его средневековую составляющую, важную для человека и книжника Московской Руси. И только потом можно изучать, как данная корреляция отражена в нарративных памятниках.

В качестве примера попытки такого исследования приведем анализ использования фрагментов из Псалтыри в Первом послании Андрея Курбского Ивану Грозному (1564). Экзегетические тексты цитируются по Острожской Библии как по наиболее хронологически близкому к изучаемому времени полному переводу Библейских книг (1580–1581)¹⁸. Для прочтения цитат «глазами древнерусского книжника» привлечено толкование на Псалтырь из сборника XVI в., хранящегося в ОР РНБ, Ф. 728 (Новг.-Соф.) № 1465¹⁹. Для установления общего контекста использования автором библеизмов предлагаем обратиться к нашему герменевтическому комментарию к Первому посланию Курбского (далее — ППК)²⁰.

Всего в ППК используются семь в разной степени перефразированных фрагментов из Псалтыри.

1) Описывая преступления царя Ивана, беглый князь указывает, что злодейский тиран «...на добротных твоих и душу за тя полагающих неслыханные от века муки и смерти и гоненья

¹⁸ Библейские цитаты приводятся по Острожской Библии по изданию: Библия сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета, по языку славенска от еврейска, в эллинский язык. Изд. Факс.: Острог, 1581. М., 1914.

¹⁹ ОР РНБ. Ф.728. № 1465. Л. 63–77 об.

²⁰ Филюшкин А. И. Герменевтический комментарий к Первому посланию Андрея Курбского Ивану Грозному // Actio Nova 2000. М., 2000. С. 74–156.

умыслил еси, изменами и чародействами и иными неподобными облыгая православных...». Перед нами, как установлено Ю. Д. Рыковым и И. Ауэрбах, редуцированный и подвергнутый аппроксимации отрывок (Пс. 37: 20–21): «Вразі же мон живѣтъ, ꙗко оубрѣпѣшиа ся ꙗче мене, ꙗко оумножишиа ся ненавѣдѣши мѧ безз правды. Возданѣши мѧ смѧ возбѣгѧ, ѿболѣхѧ мѧ, занѣ гонѧхѧ блѣгостѣию»²¹.

Из текста ППК ясно, что в несправедливых репрессиях против лучших представителей православного христианства Курбский видит неопровержимое свидетельство того, что деяния государя носят антихристианский характер. Следовательно, царь Иван — еретик, и его поступки угрожают самому существованию Руси. По замечанию Р. Г. Скрынникова, смысл этого отрывка в том, что с гибелью самых святых и благочестивых «во Израили» неминуемо должен рухнуть и сам Израиль, и в этом нечестивому монарху помогает Антихрист (упоминаемый в конце ППК), которого Курбский и называет «губителем Святорусского царства»²².

Данное толкование, присутствующее в работах многих авторов, можно уточнить путем указания на параллели из библейской истории, которые пытается вывести Курбский, используя слова именно 37-го псалма. Считалось, что он был сочинен Давидом, когда последний бежал от Саула, терпел во время этого бегства многие расстройствa, нищету и скорбь и просил Бога о помощи и отпущении грехов²³. Таким образом, размышления о судьбах незаконно репрессированных и вынужденных бежать за границу князей и бояр помещаются Курбским в контекст истории противостояния Давида и Саула. В ее основе лежало противопоставление образов Давида (носитель Божьей воли, помазанник, с которым связывались мессианские ожидания) и Саула (мнительный государь, по капризу обвиняющий праведников в измене, царь, от которого отвернулся Бог (1 Царств 15: 10–35)). Это толкование дает нам дополнительное подтверждение правильности понимания общей направленности ППК против Грозного как «безбожного» тирана на троне.

2) Рисую перспективы своего спора с Иваном IV, Курбский акцентирует свое внимание на грядущем Божьем Суде. Он пишет, что доверяет только «...богоначальному Исусу, хотящему судити вселенней в правду...». И. Ауэрбах указаны две сходные цитаты из Псалтыри: «Погнѣ памѧть ѣго [нечестивого врага — А. Ф.] ех шѣмома, ꙗко Гдѣ бо вѣки пребывѧетъ. оубрѣпѣ на сѣх прѣчѣбѧхъ ѣвои, ꙗко тои сѣдѣтъ вселенней въ правдѣ, сѣдѣтъ людемъ въ правдѣ» (Пс. 9: 8–9); «Рѣки воплѣщѣтъ рѣкѧми вѣсѣмъ, горы возрѣдѣтъ ѡ лица Гдѧ, ꙗко радѣтъ, ꙗко прѣидѣ сѣдѣтъ земли. Сѣдѣтъ вселенней въ правдѣ, и людемъ правостѣию» (Пс. 97: 9)²⁴.

Ю. Д. Рыковым перечень этих цитат расширен: «ѡ лица Гдѧ, ꙗко радѣтъ, ꙗко радѣтъ сѣдѣтъ земли. Сѣдѣтъ вселенней въ правдѣ, и людемъ истинноу ѣвои» (Пс. 95: 13); «Занѣ [Бог — А. Ф.] оубрѣпѣ етъ дѣнь, вѣнѣже хѣщѣтъ сѣдѣтъ вселенней въ правдѣ, ѿ мѣжи, ѿ нѣмѣже повелѣтъ, вѣрѣ подѧ вѣмъ, вѣкрѣивъ ѣго ѡ мѣртвѣхъ» (Деянiя 17: 31)²⁵.

Наиболее тонкий комментарий к фрагменту дал А. Л. Юрганов. Он обратил внимание на то, что в ППК Курбскому было особо нелегко примирить два тезиса: «прогнанные» от царя «бес правды» вопиют и будут свидетельствовать на Страшном Суде против царя, который по определению является в мир «во православии пресветлым». В средневековой Руси понятие «правды» было тесно связано с высшей властью в государстве: государю полагалось служить «верою и правдою». По словам исследователя, «в русской элитарно богословской среде положение великого князя рассматривалось как вполне ясное, структурно оформленное. Христос — Правда

²¹ Auerbach I. Kurbskij-Stadien. Bemerkungen zur einem Buch von Edward L. Keenan // Jahrbucher für Geschichte Ūsteuropas. N.F., 1974. Bd. 22. N. 2. S. 206; Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 241.

²² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 197.

²³ ОР РНБ. Ф. 728. № 1465. Л. 66.

²⁴ Auerbach I. Kurbskij-Stadien. Bemerkungen zur einem Buch von Edward L. Keenan. S. 206.

²⁵ Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 241. Прим. № 47.

истинная — будет вершить свой последний Суд; каждый христианин обязан для спасения собственной души исполнять “всякую правду”; великий князь в этой структуре был “правдой мира сего”. В памятнике XIV в. в составе «Мерила Праведного» — «Наказании князьям, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужам...» особо оговаривалась ответственность правителя за содержание «истины в неправде», за попустительство беззаконию²⁶. Таким образом, данным противопоставлением Курбский обвинял Ивана Грозного в нарушении основополагающих принципов духовного статуса царя.

Направленность этих наблюдений подтверждается тем обстоятельством, что цитируются 9-й, 95-й и 97-й псалмы. Все они имеют отношение к оформлению библейского «царского дискурса»: 9-й считался псалмом, с которым помазанный на царство Давид «сотворил свое покаяние» (*sic!* — **А. Ф.**), 95-й посвящен отвоеванию Иерусалима «у языков», утверждению в нем царского дома Давида и установки в «дому из кедровых деревьев» Ковчега Завета, 97-й — связывался с победой Давида над 5-ю царями, которую в знак своего покровительства над праведным государем даровал Бог²⁷.

3) Трактовка следующего оборота вызвала много споров и не прояснена до сих пор. Курбский разоблачает устремления царя устроить несправедливый суд и указывает на масштабы его репрессивных намерений: «*Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытнующую ж ересь прельщен... паче же не обинуяся презордым гонителем и хотяще истязати их до влас прегрешения их...*».

Истолкование последних слов осложнено из-за наличия разночтений. В ряде списков читается «до власти», соответственно исследователи переводили его по-разному. Дж. Феннел вообще считал, что аналогичное словосочетание неизвестно по памятникам древнерусской литературы²⁸.

Представляется более верным чтение «до влас», а не «до власти», как принимается некоторыми исследователями. Как показано Я. С. Лурье, оно является первичным²⁹. Ю. Д. Рыков приводит сходный фрагмент «Истории о великом князе московском», где цитата из Псалтыри воспроизведена в более точном виде: «*Тако же и мы вкратце написахом малую часть, яко прежде многажды рехом, все оставляюще божию суду нелицеприятному, хотящему воздати и сокрушити главы врагов своих, аж и до влас приходящих во прегрешениях своих, сиречь: отмстит и намалеишую обиду убогих своих от пресильных*»³⁰. Возможно, в ППК данный текст был несколько испорчен при переписке, а затем описка была тиражирована.

По Ю. Д. Рыкову и В. Б. Кобрину, здесь присутствует перефраз текста Псалтыри: «*Объче бгъ сокрушитъ главы врагъ своихъ, върхъ власъ приходящихъ въ прегрешенияхъ своихъ*» (Пс. 67: 22)³¹. Однако ученым оставался неясен смысл данного предложения, если брать его изолированно: в нем имеется в виду, что прегрешений у врагов «выше волос на голове», т.е. «выше головы». В отрывке из ППК речь явно идет о какой-то мере (сроке, рубеже?) наказания.

Мысль Курбского становится яснее как раз при обращении к толкованию на Псалтырь. 67-й псалом считался посвященным пророчеству Давида о грядущем Вавилонском пленении, которое неизбежно постигнет Израиль за его прегрешения. Однако бедствия кончатся, они все искупят своими страданиями, вернуться в Иерусалим, и вслед за этим вскоре грядет приход мессии —

²⁶ Юрганов А. Л. Категории средневековой культуры. С.81.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 728. № 1465. Л. 63 об.—72 об.

²⁸ The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564–1579 / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955. P. 5.

²⁹ Лурье Я. С. О возникновении и складывании в сборники Переписки Ивана Грозного с Курбским // ТОДРЛ. Л., 1978. Т. 33. С. 211–212.

³⁰ РИБ. Пг., 1914. Т. 31. Стб. 274; Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 243.

³¹ Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 241; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 372. Прим. № 8.

Христа³². Таким образом, это подтверждает предположение, что цитируемым оборотом Курбский обозначал некий предел наказания, за которым оно уже следовать не должно, а Грозный, по его мнению, изъясняет тенденцию этот рубеж перейти.

4) Описывая гонения, которыми подвергся сам Курбский, автор ППК гневно восклицает в адрес царя: «И воздал еси мне злая воз благая и за возлюбление мое — непримирительную ненависть». И. Ауэрбах и Ю. Д. Рыковым установлены параллели к данному отрывку в текстах Святого Писания: «Въ мѣсто лѣвѣ ѿболгѣхъ мѧ, ѧзы же мѣтѣхъ дѣлахъ. И положиша на мѧ злѧ възблагѧ, и ненависть за возлюбленіе мое» (Пс. 108: 4–5); «Воздѧша мнѣ лѣкѧ възблагѧ, и безчѧдїе дщїи моеї» (Пс. 34: 12); «И рече ѿишѣ домогтроителю своему глѧ, возгѧвѣ иди клѣвѧ мѧжїи, и портїгнїи ѧ, и съ гнѣвомъ рци ѧмъ. По чтѣ тѧко мнѣ воздѧрте злѣ за доброд...» (Бытие 44: 4); «Вонми Гдїи ко мнѣ и слыши глѧзѣ ѡпортѧтѣ моихъ. Едѧ въздѧгнѧ за блѧго злѣ иже икопѧша рѣвѣ дщїи моеї, поманиѧ иже рѣохъ предѣ тобою да возгѧи за нїхъ блѧгѧ, да ѡбратиѣ гнѣвѣ твоему ѿ нїхъ» (Иеремия 18: 20)³³. Дополним этот перечень еще одной обнаруженной нами цитатой: «Воздѧнїи мнѣ злѧ възблагѧ, ѿболгѣхъ мѧ, занѣ гонѧхъ блѧгортїи» (Пс. 37: 21).

Мысль Курбского опять-таки становится более рельефно выраженной при ее рассмотрении в контексте бытовавших в XVI в. толкований на Псалтырь. Все три использованных здесь псалма посвящаются одной и той же теме: предательства господином своего верного слуги, которое сопровождается внезапными и беспричинными, несправедливыми гонениями. 34-й псалом считался посвященным эпизоду с Ахимелехом (когда Давид пытался скрыться от Саула в доме священника Ахимелеха и был выдан его слугой Доиком Идумеянином; по приказанию Саула были умерщвлены сам Ахимелех и 70 его ближних — 1-я Царств 21: 1–9; 22: 6–23). 37-й, как уже говорилось, связан с бегством Давида от пытающегося его погубить Саула. 108-й псалом целиком посвящен теме вероломства и изменничества на примере «неверьства Саула»; в нем Давид «прорицал Иуду и предательство Христа»³⁴.

Таким образом, отношение Грозного к своим верным слугам Курбский считал возможным сравнить не только с неправедной ненавистью Саула, но и даже сблизить с предательством Иудой Христа, что в конечном счете работало все на ту же излюбленную князем-диссидентом тему «Сатаны на троне» и Антихриста, губящего Святорусское царство.

5) Продолжая тему коварной государевой «награды» за преданность и службу, Курбский вспоминает свои ранения в походах и пишет, что «И кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему». Как показано И. Ауэрбах и Ю. Д. Рыковым, оборот имеет несомненное сходство с Библейскими текстами: «И рече Гдѣ, чтѣ сотвориѧхъ єи єѣ, глѧзѣ крѣвѣ братїи твоегѣ вопїѣтѣ ко мнѣ ѿ земли» (Бытие 4: 9); «Положиша іерїиѧ ѧко ѡбѣщанїе хранїиѧнце, положиша тѣрїѧ рѣвѣ твоеїхъ брѧшно птїицѧмъ нѣнымъ, побѣти рїѣннѣхъ твоеїхъ свѣрѣмъ земнымъ. Пролїѧша крѣвь нѣхъ ѧкѡ водѣ ѡкрестѣ іерїиѧ, и не бѣ погребѧн» (Пс. 78: 3)³⁵.

78-й псалом считается народным плачем на падение Иерусалима в 587 г. до н. э. (ср.: 4-я Царств 25: 1–10). Его блестящий герменевтический разбор приводится в последней монографии Е. М. Верещагина³⁶. Обращение Курбского к данному образу (с несомненным эсхатологическим подтекстом) еще раз доказывает, что князь мыслил свое идеологическое противостояние с царем (точнее, в его представлении — «антицарем») в категориях извечной для христианства борьбы

³² ОР РНБ. Ф. 728. № 1465. Л. 69 об.

³³ Auerbach I. Kurbskij-Stadien. Bemerkungen zur einem Buch von Edward L. Keenan. S. 206; Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 240–241. Прим. № 43.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 728. № 1465. л. 66, 73 об.

³⁵ Auerbach I. Kurbskij-Stadien. Bemerkungen zur einem Buch von Edward L. Keenan. S. 206; Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 241

³⁶ Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. М., 2001. С. 209–218.

праведников, стремящихся к установлению Царства Божия, и дьявольских слуг, чья деятельность ведет к погублению и символов православия (как Иерусалим), и самих «сильных во Израили».

Таким образом, мы видим, что привлечение толкования на Псалтырь по рукописи XVI в. позволяет уточнить многие интерпретации и толкования смысла тех или иных фрагментов ППК.

В заключение хотелось бы высказать еще одно наблюдение, касающееся характера спора царя и беглого князя. Под впечатлением заголовка Первого послания Грозного: «*Благочестиваго великаго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси послание во все его великия России государство на крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене*» некоторые исследователи считали, что вся дискуссия носила прокламационный, памфлетный характер. Я. С. Лурье сделал далеко идущий вывод о публичном характере переписки, ее принадлежности к жанру открытых писем³⁷. Д. С. Лихачевым письма объявляются сходными с «глумливыми листами», распространявшимися в 1572 г. в Литве по указанию Ивана IV. По мнению Ю. Д. Рыкова и Р. Г. Скрынникова, целью пропаганды Курбского было сколачивание идейной оппозиции к царю, вначале с центром в Печерском монастыре³⁸.

Правда, А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников доказали, что цитируемый выше заголовок Первого послания Грозного является поздней припиской, а подлинный прескрипт, начинающийся со слов «Бог есть Троица...», характерный для писем Грозного, оказался присоединенным переписчиками к первым строчкам письма³⁹. На этом, собственно, научная дискуссия оказалась законченной. Большинство ученых придерживается мнения, что вплоть до объединения посланий в сборники в XVII в. и их использования в исторических сборниках и письмовниках обмен письмами Грозного с Курбским носил частный характер.

Ни в коей мере не пытаюсь оспорить последний вывод, все же приведем одно наблюдение. В ППК, несмотря на его малый объем, содержится наибольшее количество цитат из Псалтыри. Для сравнения: во Втором послании Курбский не привлекает псалмы вообще, а в Третьем, куда большем по объему, обращается к ним всего трижды, да и то во второй, «разоблачительно-патетической» части текста. Как известно, из библейских книг Псалтырь наиболее активно используется в богослужении, а следовательно, скрытый смысл ее цитирования был наиболее доступен практически любому читателю и слушателю. Не свидетельствует ли это о том, что Курбский если и не рассчитывал на публичное хождение своего обличительного сочинения, но все же стремился сделать его содержащим наиболее распространенные элементы семиотики дискурсов русского средневековья? Это согласуется с тем, что, как отмечается многими исследователями, степень авторизации и оригинальности творчества Курбского ко времени создания Второго и Третьего посланий значительно возрастает⁴⁰. Если данные наблюдения верны, то они позволяют уточнить оценку сочинений Курбского как источника по истории развития русской общественной мысли XVI в.

³⁷ Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 221

³⁸ Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV. С. 244; Скрынников Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРА. М., 1962. Т. 18. С. 109, 113.

³⁹ Зимин А. А. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 147; Скрынников Р. Г. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 233. Р. Г. Скрынников считает переписку частной, хотя и придерживается мнения, что Курбский хотел подбить на выступление Печерский монастырь.

⁴⁰ Подробнее о формировании Курбского как писателя см.: Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998; Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика. Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 299–400.